

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).⁷

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents

Rev. A. Hotovitzky, Publisher.

18 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 5 Vol. XVI. NEW YORK, March 14, 1912, 1 Марта 1912 г. No. 5.

Высокопреосвященный Николай, Архіепископъ Японскій.

(† 4 Февраля 1912 г.).

The Most Rev. Nikolai, Archbishop of Japan.

† February 4, 1912.

Невознаградимая потеря! Православная Церковь въ траурѣ. Ея наилучшій сынъ, апостолье ея ученія, отошелъ отъ земнаго житія своего. Предъ вѣстью о кончинѣ славнаго просвѣтителя Японіи преосвященнаго Николая уходятъ далеко-далеко мелкіе раздоры, нестроения, которыя сейчасъ терзаютъ организмъ Русской Православной Церкви. «Ни-

An irreparable loss! The Orthodox Church is mourning. Her most worthy son, the apostle of her teaching, has departed from earthly life. Before the news of the decease of the Most Reverend Nikolai, the glorious light-bringer of Japan, all the small struggles and discords which are vexing the organism of the Russian Orthodox Church

колай Японскій» — и предъ вами наиболѣе славная страница миссіонерства Православной Церкви, свыше пятидесяти лѣтъ служенія православнаго пастыря въ чужой странѣ, и какого служенія! Всего себя отдалъ онъ своему святому дѣлу и, обручившись своей невѣстѣ — Японской церкви, до послѣдняго

† Архіепископъ Николай.

жизненнаго вздоха донесъ онъ нерасторжимыми эти святые узы! Примѣръ единственный! Пока жилъ онъ, не надо было доказывать предъ испытующими и вопрошающими жизненность Православной Церкви въ ея миссіонерскихъ отправленіяхъ: достаточно было сказать — «Николай Японскій», и весь инославный и иновѣрный міръ благоговѣнно умолкалъ: ибо всѣ силы иновѣрія и инославія не могли въ рядахъ своихъ борцовъ указать ему равнаго!

Падаемъ ницъ предъ твоею святою могилой, просвѣтитель Японскій, вѣрный слуга

shrink into, insignificance. "Nikolai of Japan": you have before you the most glorious page of the missionary work of the Orthodox Church, an Orthodox pastor's service of more than fifty years in a foreign land, and what service! He gave himself up wholly to his sacred task, and wedding his bride, the Japanese Church, he kept those sacred ties unbroken until his latest breath! A unique example! While he lived, there was no need to prove to enquirers and questioners of the vitality of the Orthodox Church, and its missionary tendencies: it was enough to say "Nikolai of Japan", and the whole world of other creeds and other faiths became silent in adoration: for all the powers of other creeds and other faiths could not show his equal among the ranks of their warriors!

Let us prostrate ourselves before thy sacred tomb, O light-bringer of Japan, true servant of Christ! And let us pray:—Be thou the representative, in the heavenly habitations, of thy beloved Orthodox Church, and may God save her from all injuries and obstacles, and may He send forth other light-bringers, even in part like to thee to illumine the world with the light of the Gospel of Christ!

Христовъ! И молимъ:—предстательствуй въ небесныхъ обителяхъ о родной тебѣ Православной Церкви, да снасаетъ Господь ее отъ скорбей и обстояній, и да воздвигнетъ новые свѣтильники, хотя въ части подобные тебѣ, къ озаренію міра свѣтомъ благовѣстія Христова!

Православіе въ Японіи.

Orthodoxy in Japan.

Японія и Корея являютъ собою разительный примѣръ склонности желтыхъ язычниковъ восточной Азіи къ православію, предпочтительно предъ другими христіанскими исповѣданіями. Объ этомъ свидѣлствуютъ не только современные успѣхи православія въ этихъ странахъ, сопредѣльныхъ Россіи (о чемъ рѣчь идетъ далѣе), но и вся исторія христіанскаго просвѣщенія ихъ, особенно Японіи. Можно положительно сказать, что послѣдняя давно была бы христіанскою страной, если бы въ дѣвственную почву ея первоначально были заложены сѣмена восточнаго, а не западнаго христіанства, если бы христіанская проповѣдь не была тамъ съ самаго же начала дискредитирована западными проповѣдниками, именно католиками-іезуитами, жившими первыми проповѣдниками и насадителями христіанства въ Японіи.

Съ самаго же начала проповѣди японцы проявили необычайную (для азіатовъ) склонность къ христіанству. Проповѣдь началась во второй половинѣ XVI столѣтія, къ концу котораго въ Японіи было уже до 200,000 христіанъ и до 200 христіанскихъ церквей. А въ началѣ XVII столѣтія христіанъ въ Японіи было уже до 2 милліоновъ (изъ 7 милліоновъ всего ея населенія), христіанскія церкви и часовни считались уже тысячами. Крестился не только простой народъ, но и многіе удѣльные князья, магнаты, образованные люди съ высокимъ офиціальнымъ положеніемъ, офицеры, генералы и т. п. Истощенные и истерзанные внутренними неурядицами, японцы искали утѣшенія въ религіи, но не находили его въ язычествѣ; буддизмъ обѣщаетъ покой только послѣ многихъ превращеній, рожденій и повторныхъ несчастій жизни, что для изнуренныхъ японцевъ было совсѣмъ не заманчиво. Язычество (буддизмъ и шинто—покло-

Japan and Corea offer a striking example of the inclination the yellow heathens in Eastern Asia show towards Orthodoxy, preferably to other Christian confessions. This is proved not only by the present success of Orthodoxy in countries contiguous to Russia (of which we shall say more further on), but by the whole history of the Christian enlightenment in these countries, especially in Japan. Positively it can be said, that the latter would have become a Christian country, did its virgin soil receive from the start seeds of the Eastern and not the Western Christianity, if in it Christian propaganda were not discredited at the very beginning by Western preachers, namely Roman Catholic Jesuits, who were the earliest planters and preachers of Christianity in Japan.

From the start the Japanese showed a bend towards Christianity, quite unusual for Asiatics. The preaching began in the second half of the XVIth century, towards the end of which Japan already counted 200,000 Christians and 200 Christian churches. In the beginning of the XVIIth century, out of the total of 7,000,000 inhabitants, Japan already counted 2,000,000 Christians, and Christian churches and chapels already counted by the thousand. Besides the uneducated masses, many vassal princes were baptized, magnates, educated people with high official positions, officers, generals, etc. Worn out and torn to pieces by internal disorders, the Japanese sought consolation in religion, but could not find it in heathenry. Buddhism promised to them peace after many transformations, births and repeated misfortunes, which could not attract the tired out Japanese. Heathenry, both Buddhism and the Shinto ancestor worship, had

неніе предкамъ) превратилось для нихъ во внѣшнюю систему церемоній и моленій, лишленную внутренняго смысла. Какъ разъ въ это время появились въ Японіи первые проповѣдники христіанства, и японцы жадно бросились въ лоно Христова ученія. Страна видимо и быстро обращалась изъ языческой въ христіанскую.

И что же? Теперь, спустя три столѣтія, Японія не только остается языческой страной, но число христіанъ въ ней въ пятнадцать разъ меньше (при удесятирившейся численности населенія), чѣмъ было въ началѣ XVII столѣтія, именно — 150 тысячъ человекъ! Дѣло христіанскаго просвѣщенія японцевъ, такъ счастливо, казалось, начатое, не только не получило дальнѣйшаго развитія, но пошло обратно: Японія вновь стала языческой страной. Какимъ же образомъ это случилось? Отчего это произошло? Произошло это оттого, что противъ христіанства воздвигнуто было цѣлое гоненіе и оно совсѣмъ было ликвидировано въ томъ же XVII столѣтіи, при чемъ всѣ христіанскіе миссіонеры были изгнаны и доступъ имъ въ Японію былъ вовсе запрещенъ и закрытъ до второй половины прошлаго XIX столѣтія.

Конечно, самъ собою возникаетъ вопросъ: чѣмъ же обуславливается такой крутой поворотъ въ отношеніи Японіи къ христіанству? Проявивъ такую склонность къ нему и ставъ уже на треть христіанской страной, она черезъ какихъ-нибудь полстолѣтія вдругъ круто поворачивается къ нему спиной, ликвидируетъ у себя христіанство и вовсе запрещаетъ даже проповѣдь его! Что же это значитъ? Чѣмъ это вызвано? По единогласному свидѣтельству всѣхъ историковъ христіанства въ Японіи, вызвано это было самими же проповѣдниками христіанства, въ роли которыхъ, какъ отмѣчено выше, явились католики—іезуиты. Новая вѣра не могла прочно укрѣпиться въ сердцахъ японцевъ по одному тому, что іезуиты, какъ и всегда, слишкомъ много вниманія обращали на внѣшнюю обря-

grown to be an exterior system of ceremonies and prayers, deprived in their eyes of all interior significance. Just about this time, the first preachers of Christianity appeared in Japan, and the Japanese eagerly rushed into the pale of Christ's teaching. Swiftly and visibly the heathen country was changing into a Christian one.

And what came of it? In our days, three centuries later, Japan not only remains a heathen country, but it numbers fifteen times less Christians (though the number of the inhabitants had been multiplied by ten), than there were at the beginning of the XVIIth century, that is only 150,000. The cause of the Christian enlightenment of the Japanese, which began so auspiciously, not only did not receive any further development, but retrograded. Japan once more became a heathen country. How did this come to pass? What was the reason of it? It came to pass because there arose a regular persecution against Christianity, which was abolished in the same XVII century, all Christian missionaries being banished and their entrance to Japan being forbidden until the second half of the XIXth century.

There naturally arises the question: what was the condition of such a radical turn in the attitude of Japan towards Christianity. Having showed such a wonderful bend towards Christianity, having become almost one-third a Christian country, all of a sudden, hardly half a century later, it completely turns its back on it, abolishes its Christian church and even forbids any further preaching. What does this mean? What is it that brought this about. According to the unanimous testimony of all the recorders of the Christian history of Japan, this was brought about by the preachers themselves, represented, as we have stated before, by Catholic Jesuits. The new faith failed to strike deep roots in the hearts of

довую сторону и дѣйствовали крайне грубыми мѣрами. У нихъ не было христіанскаго духа всеобщающей любви и смиренія. Взаимнѣ тою они принесли съ собою духъ инквизиціи и въ полной мѣрѣ воспользовались своею жестокою испано-португальскою системою для искорененія туземныхъ еретиковъ. Съ большою свирѣпостію начали они нападать на бонзъ (буудійскихъ духовныхъ особъ), подстрекать обратившихся въ христіанство къ поруганію туземныхъ боговъ, разрушенію идоловъ, сожженію и оскверненію старыхъ часовенъ. При этомъ іезуиты щедро разсыпали золото, присылаемое королями Португаліи и Испаніи подъ именемъ «милостыни». Этимъ прельщались туземные правители. На Kiu-Siu всѣ удѣльные князья сдѣлались христіанами и принуждали своихъ подданныхъ присоединяться къ новой религіи. Населенію цѣлыхъ округовъ было приказано или принимать христіанство, или удаляться въ изгнаніе. Бонзы изгонялись или убивались. Были вымыслены фиктивные чудеса, чтобы дѣйствовать на легковѣрные умы. Все это записано не только японскими писателями, но и самими іезуитами. Такъ одинъ изъ іезуитовъ сообщаетъ, что Сумитанда, князь Омурѣ, принявшій христіанство въ 1562 г., открыто объявилъ войну противъ діаволовъ-бонзъ. Онъ отправилъ нѣсколько отрядовъ по своей странѣ для разрушенія всѣхъ идоловъ и капищъ, несмотря на ярость бонзъ. Въ 1577 году повелитель острова Амакуса издалъ указъ, по которому всѣ его подданные, будь то бонзы или дворяне, кушцы или торгаши, должны были обратиться въ христіанство или покинуть страну въ кратчайшій срокъ. Подобное же приказаніе издалъ владѣтельный князь Такацуки Сетцу*).

Словомъ,—іезуиты дѣйствовали въ Японіи тѣми же пріемами, какими вездѣ всегда дѣйствовали и какими и сейчасъ дѣйствуютъ

the Japanese for the only reason that the Jesuits, as usual, paid too much attention to the ritualism alone using very coarse means. They lacked the Christian spirit of the all conquering love and humility. Instead they imported the spirit of the inquisition, adopting the cruel Hispano-Portuguese method for the extermination of native heretics. They fiercely attacked the buddhist bonzes, incited the converts to blaspheme against local gods, to destroy idols, to burn and to desecrate old places of worship. The Jesuits accompanied this by a lavish distribution of gold, sent by the kings of Portugal and of Spain under the name of "alms". This attracted native rulers. On Kiu Siu, all the vassal princes turned Christian and forced their subjects to join the new faith. The inhabitants of whole districts were ordered either to accept Christianity or to be banished into exile. Buddhist priests were exiled. Fictitious miracles were invented that credulous mind should be impressed. All this was recorded not only by Japanese authors but by the Jesuits themselves. For instance one of the Jesuits informs us, that Sumitanda, the prince of Omura, who became Christian in 1562, declared himself openly to be at war with the devil—bonzes. All over his land he sent several bands with the order to destroy all idols and temples, without any regard to the wrath of the bonzes. In 1577 the ruler of the Amakus Island published an edict, according to which all his subjects, be they priests or nobles, merchants or small trade's people, were bound to become Christian or else to leave the country after the shortest delay. A similar order was issued by the ruling prince Takazuki Setzu*).

Briefly, the Jesuits used in Japan the same method which they have always used

*) См. В. Селезневъ «Христіанство въ Японіи» и Н. Д. Богуславскій «Японія».

*) See V. Selesneff's "Christianity in Japan", and N. D. Boguslavsky's "Japan".

у насъ, въ Западн. Россіи: подкупомъ, обольщеніемъ, насиліемъ и т. п. При такихъ условіяхъ успѣхъ христіанства, понятно, былъ только внѣшній, кажущійся. Въ душѣ японцы, окрещенные насиліемъ (при помощи подкупа князей), оставались язычниками. Подобные приемы, понятно, способны были скорѣе отталкивать отъ христіанства, чѣмъ привлекать къ нему и ужъ, во всякомъ случаѣ, неспособны были заложить въ странѣ прочное основаніе для христіанства. Самое печальное то, что іезуитскіе — антихристіанскіе, по духу и существу своему; — приемы отождествлялись съ христіанствомъ и, такимъ образомъ, въ Японіи зарождалось антихристіанское движеніе. Этому способствовали и раздоры между проповѣдниками христіанства, вскорѣ же возникшіе и еще болѣе подорвавшіе у японцевъ уваженіе къ христіанской вѣрѣ. Съ размноженіемъ католическихъ орденовъ іезуитовъ, францисканцевъ и августинцевъ, всѣ они начали подкапываться другъ подъ друга, что повело къ затяжнымъ спорамъ, непристойнымъ сварамъ и взаимному порицанію. Все это неблагопріятно настраивало каждаго мыслящаго язычника противъ новой вѣры. Враги христіанства, во главѣ которыхъ находились бонзы, радовались этому и насмѣхались надъ проповѣдниками. Въ то время почти во всей Европѣ происходили политическія и религіозныя войны. Это отражалось и на взаимоотношеніи европейцевъ, въ большомъ количествѣ прибывавшихъ въ Японію. Протестанты, голландцы и англичане возбуждали ненависть и опасеніе японцевъ противъ папистовъ и, наконецъ, другъ противъ друга. Среди европейцевъ въ большомъ количествѣ появился нежелательный элементъ, въ видѣ торговцевъ рабами, морскихъ пиратовъ и разнаго рода авантюристовъ и эксплуататоровъ.

Все это въ самомъ же началѣ дискредитировало христіанскую проповѣдь въ глазахъ японцевъ и они поспѣшили отгородиться отъ нея настоящей китайской стѣной. Еще въ

everywhere and which they now use in Western Russia: bribery, seduction, violence, etc. It stands to reason that under these conditions the progress of Christianity was only on the surface, only in appearance. In their hearts the Japanese remained heathen, baptized as they were by force, through the means of bribing their rulers. It stands to reason that this method rather turned the people away from Christianity, than attracted them, and all events they were entirely unfit to establish in the country a lasting foundation for Christianity. The saddest part of it was that the antichristian ways of the Jesuits, both in their spirit and substance, became identified with Christianity, which gave rise to an antichristian movement in Japan. Disagreements which shortly arose in the midsts of the propagandists of Christianity only helped to discredit still further the good fame of the Christian faith. With the increase of the number of the Roman Catholic monks of the Jesuits, Franciscan and Augustinian orders in Japan they all began to work against each other, which lead to prolonged disputes, unbecoming squables and mutual abuse. All this made every intelligent heathen to feel adverse to the new religion. The enemies of Christianity with the bonzes at their head, rejoiced at this and laughed at the preachers. At this time almost throughout Europe, the people were engaged in political and religious wars. This showed also on the mutual relations of the Europeans who came to Japan in great numbers. The Dutch and English protestants incited the Japanese to the hatred and distrust of the papists, and then mutually of each other. There appeared in the midst of the Europeans a very undesirable element in the shape of slave drivers, sea pirates and various adventurers and exploiters.

All this discredited the Christian faith in the eyes of the Japanese and they soon

1587 году былъ изданъ указъ объ изгнаніи изъ Японіи христіанскихъ миссіонеровъ. Указъ этотъ, однако, не получилъ строгаго примѣненія. Но въ 1614 г. былъ изданъ новый указъ, причемъ всѣ христіанскіе (католическіе) миссіонеры были насильственно посажены на суда и высланы изъ Японіи. Началась полная ликвидація христіанства и жестокое преслѣдованіе христіанъ. Ихъ завертывали въ соломенные мѣшки, складывали въ кучи и сжигали заживо, распинали и т. п. Всѣ пытки, накія только могла изобрѣсти варварская ненависть или утонченная жестокость, были употреблены для превращенія массы людей въ групы и щепель. Тѣ же самые люди, которые въ молодости были обращены въ христіанскую вѣру при помощи огня и меча, теперь такими же средствами отвращались отъ нея. Разрушеніе христіанскихъ церквей, крестовъ и священныхъ изображеній было совершено съ такою безпощадностью, что новѣйшіе изслѣдователи только съ большимъ трудомъ находили незначительные остатки ихъ. Христіанство было названо развращенной сектой, которая считалась темнымъ пятномъ въ прошломъ японской націи.

Къ концу XVII столѣтія христіанство было совершенно искоренено въ Японіи. Христіане-японцы, не могшіе вернуться въ язычество, выселились въ Китай, на Формозу и Филиппины, спасаясь отъ преслѣдованій. По нѣкоторымъ даннымъ правда и въ самой Японіи оставались кучки тайныхъ христіанъ (по деревнямъ), но официально, во всякомъ случаѣ, христіанства въ Японіи съ конца XVII столѣтія не существовало, оно было запрещено и безпощадно преслѣдовалось, проповѣдь его отнюдь не допускалась. При этомъ, что особенно приходится отмѣтить, отъ христіанства въ Японіи не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Какъ говоритъ историкъ христіанства въ Японіи, «несмотря на повсемѣстное распространеніе въ XVI вѣкѣ, христіанская вѣра не оказала почти никакого вліянія на національную этику и характеръ

built a regular Chinese wall to protect themselves against all this. As early as 1587 there appeared an edict ordering the banishment of Christian missionaries from Japan. The edict, however, was never strictly complied with. In 1614 there came another edict in compliance with which all Roman Catholic missionaries were taken aboard sailing ships and sent away from Japan. Christianity was completely abolished and Christians were cruelly persecuted. They were put into straw sheaths, piled together and burned alive, they were crucified, etc. Every torture the most barbarous hatred and refined cruelty could think of was practiced to turn crowds of people into corpses and ashes. People, who in their youth were converted to Christianity by the means of the fire and sword, were now made to renounce it by the same means. The destruction of the Christian Churches, crosses and holy images was carried on so relentlessly that recent researches found but insignificant remnant of them after great labour. Christianity was proclaimed to be an immoral sect, which was considered a black stain on the past history of the Japanese nation.

Towards the end of the XVIIth century Christianity was completely uprooted in Japan. Japanese Christians, fearing persecution and unable to return to heathenry, expatriated themselves, going to China, Formosa and the Philippines. According to some data, there remained a few groups of secret Christians in the rural districts. But officially at any rate there existed no Christianity in Japan since the end of XVIIth century. It was forbidden and unmercifully persecuted; preaching it would not be permitted under any consideration. A point to which special attention must be drawn is that there remained hardly any traces of Christianity in Japan. As says its historian: "in spite of its wide spread at the end of the XVIth century, the Christian faith left hardly any

японцевъ. Если въ первые вѣка христіанства гоненія не могли уничтожить его, а только еще болѣе укрѣпляли, то здѣсь этого не видно. Причина — въ указанномъ различіи примемовъ распространенія христіанской вѣры. Грубое насиліе іезуитовъ не могло, конечно, привить въ сердцахъ новообращенныхъ того, что давала проповѣдь любви и мира истинныхъ и ближайшихъ учениковъ Христа».

Запретное положеніе христіанства въ Японіи, вызванное и созданное іезуитской работой, продолжалось цѣлыхъ три столѣтія. Только въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія христіанская проповѣдь вновь огласила Японію и туда вновь явились католическіе миссіонеры, а вслѣдъ затѣмъ была послана въ Японію и православная миссія. Такимъ образомъ, японцы впервые слышали проповѣдь истиннаго, восточнаго, христіанства. Но это была проповѣдь, такъ сказать, нелегальная: старые антихристіанскіе эдикты сохраняли еще свою силу, и японское правительство, враждебно настроенное къ христіанству, охотно примѣняло ихъ: нѣкоторые изъ прибывшихъ миссіонеровъ были заключены въ тюрьму и многіе изъ новообращенныхъ въ христіанство японцевъ подверглись изгнанію. При такихъ условіяхъ, развитіе христіанской проповѣди было, понятно, затруднительно, и миссіонеры не могли приобрести большого числа послѣдователей.

Только въ 1873 году послѣдовала отмѣна старыхъ антихристіанскихъ эдиктовъ, и съ этого только времени явилась свобода христіанской проповѣди въ странѣ Восходящаго Солнца. Къ этому времени и должно отнести начало православной духовной миссіи въ Японіи. Хотя *de facto* она возникла нѣсколько ранѣе, но только съ этого времени, т. е. съ 1873 года, явилась возможность организовать миссіонерскую дѣятельность: строить церкви, совершать богослуженіе, устраивать публичные диспуты и собесѣдованія, образовывать туземныя христіанскія общины, зна-

trace in national ethics and character of the Japanese. The persecutions of the first centuries failed to destroy Christianity, but on the contrary only strengthened it, but in this case this was not so. The cause of this is in the difference of the methods used for the spread of the Christian faith. The coarse violence of the Jesuits, could not put into the hearts of the converts qualities, communicated by the loving and pacifying preaching of the true and direct disciples of Christ”.

The banishment of Christianity from Japan, called forth and created by the labours of Jesuits, continued during three centuries. Only in the sixties of last century Christian preaching once more resounded in Japan: Roman Catholics once more appeared in that country, soon followed by the Orthodox mission. And so for the first time, the Japanese heard the word of the true Eastern Christianity. But so to speak propaganda was not legal: the old antichristian edicts were still in force and the Japanese government being antagonistic to Christianity readily put them into action. Some missionaries were imprisoned and many new converts were banished. Under such conditions, it stands to reason, that the increase of Christian preaching was difficult and that the missionaries could not make many converts.

The old antichristian edicts were abolished only in 1873, and only since then it became possible for the Christian sermon to be free in the land of the Rising Sun. This epoch must be considered the date of the first establishment of the Orthodox ecclesiastical mission in Japan. *De facto* it was started a little earlier, but only beginning with 1873 it became possible to organize missionary activities: to build churches, celebrate divine services, arrange public discussions and talks, form native Christian communities, get the Japanese acquainted with Christian literature, open schools, etc.

комить японцевъ съ христіанской литературой, открывать школы и т. д.

Съ этого времени, т. е. съ 1873 года, христіанство вновь стало распространяться въ Японіи, и вновь среди японцевъ проявилась склонность къ нему. Въ короткое время христіанство проникло во все общественные слои, не исключая высшихъ интеллигентныхъ и даже правительственныхъ сферъ. Нельзя не отмѣтить, какъ факта въ высшей степени знаменительнаго, что когда открылся первый японскій парламентъ, то предсѣдатель его былъ избранъ христіанинъ. Христіане заняли также видныя мѣста въ администраціи, верховномъ судѣ, войскѣ и флотѣ. Коль скоро въ языческой странѣ христіанинъ ставится во главѣ законодательнаго собранія и христіане занимаютъ видныя мѣста въ правящихъ и военныхъ сферахъ, — очевидно, никакого предубѣжденія противъ христіанства, какъ такового, у японцевъ нѣтъ. Наоборотъ: въ этомъ нельзя не видѣть высокаго уваженія, питаемаго японцами къ христіанству, какъ таковому.

Несмотря, однако, на это, японцы теперь не проявляютъ уже того горячаго религіознаго порыва, который охватилъ ихъ при первомъ знакомствѣ съ христіанствомъ (въ XVI и началѣ XVII столѣтійхъ). Но то, какъ мы видѣли, было лишь внѣшнее наслоеніе христіанства, насаждавшася насильственно іезуитами, лишь какъ декорумъ ихъ дѣятельности. Печальная память, оставшаяся въ Японіи о первоначальномъ іезуитскомъ христіанствѣ, несомнѣнно, и является въ позднѣйшее время одной изъ главныхъ причинъ какъ бы подозрительнаго отношенія ихъ къ христіанству, при всемъ видимомъ уваженіи къ нему.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

After this, Christianity once more began to spread over Japan, and the Japanese showed themselves well disposed towards it. In a short time, Christianity penetrated all social layers, including educated and even governing classes. It should not be passed without notice, that when the first Japanese parliament was opened, its chosen president was a Christian. Christians held many important offices in the administration, the Superior Court, the army and the navy. When a heathen country placed a Christian at the head of its legislating assembly, when Christians were admitted into the superior regions of its government and its army, it became obvious that Japan was not any more prejudiced against Christianity as such. On the contrary, one can not help seeing in this a mark of the highest esteem on the part of the Japanese towards Christianity as such.

Nevertheless, however, at present the Japanese are not moved by the same intense religious fervour that overcome them when they first became acquainted with Christianity, in the XVIth and XVIIth centuries. As we have seen, that was but an outward heaping up of converts, resulting from a forced pressure on the part of the Jesuits, as a kind of a decorum of their activities.

(To be continued.)

П И С Ь М О

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ
НА ИМЯ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА АРХІЕПИСКОПА ПЛАТОНА.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ВЛАДЫКО,

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить Вашему Высокопреосвященству Мою сердечную благодарность за произведенный въ истекшемъ 1911 году, въ подвѣдомственныхъ Вамъ церквахъ отдаленной Алеутской епархіи, тарелочный сборъ на нужды православныхъ въ Иерусалимѣ и Святой Землѣ.

Въ виду приближенія недѣли Ваій, позволяю Себѣ вновь обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ убѣдительною просьбою сдѣлать распоряженіе о производствѣ во всѣхъ церквахъ ввѣренной Вамъ епархіи, за богослуженіями Вербнаго Воскресенія сего 1912 года, разрѣшеннаго Святѣйшимъ Синодомъ тарелочнаго сбора. Я не сомнѣваюсь, Владыко, въ томъ, что преуспѣяніе православно-русскаго дѣла въ Святой Землѣ столь же близко Вашему сердцу, сколько и Моему, а потому надѣюсь встрѣтить съ Вашей стороны теплое содѣйствіе къ болѣе успешному производству въ наступившемъ году вербнаго сбора—этого главнѣйшаго источника, дающаго средства для поддержанія и развитія благотворительно-просвѣтительной дѣятельности Общества въ Святой Землѣ.

Потребныя для производства сбора воззванія, правила, надписи къ сборнымъ блочкамъ и акты высланы одновременно на Ваше имя почтовыми посылками.

Испрашиваю Вашего Архипастырскаго благословенія и поручаю Себя и Общество Вашимъ святительскимъ молитвамъ.

Искренно къ Вамъ расположенная

20 Января 1912 г. № 63.

Е Л И С А В Е Т А.

3 февр. 1912 г. Очень утѣшенъ дѣятельностью Русской Читальни имени высокочтимаго Архіепископа Николая въ Миннеаполисѣ. Напечатать этотъ отчетъ въ Вѣстникѣ и Свѣтѣ. Желательно было бы и отъ другихъ читалень получить болѣе или менѣе подробные отчеты объ ихъ просвѣтительномъ дѣлѣ, — а еще болѣе желательно, чтобы во всѣхъ, по возможности, нашихъ приходахъ существовали читальни, руководимыя священниками и любящими и понимающими это дѣло прихожанами.

АРХІЕПИСКОПЪ ПЛАТОНЪ.

О Т Ч Е Т Ъ

по Русской Читальнѣ.

имени Архіепископа НИКОЛАЯ Варшавскаго въ г. Миннеаполисѣ въ Сѣверной Америкѣ за 1911-й г., 3-й годъ существованія.

Члены Русской Читальни имени Архіепископа Варшавскаго Николая въ г. Миннеаполисѣ явно сознавали въ 1911 году, что дѣятельность читальни удовлетворяетъ насущной по-

требности прихода въ просвѣщеніи. Давая возможность взрослому населенію прихода знакомиться безъ большихъ затратъ съ газетами изъ Россіи, Галиціи, Угроссѣи и здѣшними, американскими, Русская Читальня даетъ основательность въ сужденіяхъ своимъ членамъ, предохраняетъ ихъ отъ одностороннихъ увлеченій, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширяетъ умственный кругозоръ въ приходѣ.

Въ 1911-мъ году въ Читальню выписывались слѣдующіе журналы и газеты: изъ Россіи «Новое Время», изъ Галиціи «Прикарпатская Русь», «Голосъ Народа», «Русское Слово»; изъ Угорской Руси «Наука», «Недѣля», «Наша Застава», затѣмъ мѣстныя газеты: «Свѣтъ», «Американскій Русскій Вѣстникъ», «Правда», «Поступь», «Американскій Православный Вѣстникъ» и «Словенскій Денникъ». Кромѣ упомянутыхъ повременныхъ изданій, по благостному распоряженію Архіепископа Варшавскаго, патрона Читальни, съ половины 1911-го года въ Читальнѣ получается «Варшавскій Епархіальный Листокъ».

Обиліе для чтенія привлекаетъ понемногу къ

записи въ члены Читальни особенно молодыхъ людей. За 1911 г. приступило 21 и хотя выступило по различнымъ причинамъ 10, но къ началу 1912 г. переходить 46 членовъ. Въ м. іюнѣ члены Читальни снялись на фоографическую карточку на ступеняхъ своего приходскаго храма въ числѣ 35 человекъ. Многіе выступали изъ состава Читальни за выѣздомъ въ старый край. Отбывающимъ, по заведенному доброму обычаю, Читальня даетъ на память св. икону. Своему предсѣдателю, о. прот. Л. Туркевичу, по случаю его выѣзда въ Россію на побывку, приподнесли цѣнный экзепляръ св. Библии.

Собирались члены Читальни въ свою комнату, подъ приходскою церковью, довольно часто: и для чтенія, и для обсуждения своихъ текущихъ дѣлъ, и для подготовки къ спектаклямъ, и для розыгрышей лоттерей, и для занятій англійскимъ языкомъ и для веденія народныхъ чтеній. Регулярныхъ засѣданій было до 80. Изъ нихъ 12 было мѣсячныхъ, 5 общихъ, 20 по воскреснымъ днямъ, а остальные по пятницамъ.

Безъ нарочитыхъ приглашеній въ комнату Читальни текутъ любители печатнаго слова. «Куда лучше, говорятъ они, посидѣть за газетой, нежели слоняться безъ толку по улицѣ или — что еще хуже — тратить время, деньги и здоровье въ какомъ-либо салунѣ». Но не о себѣ только заботятся они: занимаясь сами книгою, члены Читальни имѣютъ цѣлью и другихъ привлечь къ ней. У Читальни въ 1911 г. оказалась возможность проявить значительную предприимчивость въ устроеніи занимательныхъ, просвѣтительныхъ и объединяющихъ приходъ развлеченій. Такъ, въ м. февралѣ и въ м. октябрѣ членами Читальни было устроено два спектакля передъ большою публикою въ т. наз. Германской залѣ. Оба спектакля проведены дружно при единодушномъ участіи старшихъ и младшихъ возрастомъ членовъ Читальни. Собравшіеся зрители сердечно поддержали любителей сцены дружными аплодисментами. Забава въ м. іюль для молодежи прошла довольно оживленно. Въ мѣсяцахъ маѣ и декабрѣ было устроено двѣ лоттерей на розыгрышъ въ первый разъ Библии и другихъ лучшихъ книгъ, во второй разъ — пишущей машины.

Заботы о наученіи желающихъ англійскому языку проявились въ заведеніи лѣтомъ на полтора мѣсяца вечерней англійской школы, посѣщавшейся охотно молодыми людьми въ количествѣ 24-хъ человекъ. Въ рождественскомъ по-

сту, по заранѣ выработанной программѣ, велись народныя чтенія, съ показываніемъ святыхъ картинъ. Предметомъ чтеній были: житія святыхъ Православной Церкви, отдѣлы изъ русской исторіи и нравоучительныя повѣсти. Въ чтеніяхъ принимали участіе и приходскія дѣвицы, а въ пѣніи всѣ дѣти. Единодушіе, братская любовь и согласованность въ дѣйствіяхъ — самое симпатичное въ этихъ предпріятіяхъ, быть можетъ не столь богатыхъ результатами въ смыслѣ обогащенія посѣтителей свѣдѣніями.

Дѣятельность Русской Читальни приобретаетъ постепенно все больше расположеніе прихожанъ. Приучая къ занятію книжкой своихъ членовъ, а участіемъ въ веденіи своихъ дѣлъ, соединенныхъ съ упражненіемъ въ русскомъ чтеніи, письмѣ и счетѣ, подготавливая къ болѣе труднымъ занятіямъ въ мѣстныхъ приходскихъ организаціяхъ, Русск. Читальня имени Архіеп. Варшавскаго Николая способствуетъ общему развитію прихода. Отсюда члены Р. Чит. часто избираются на должность отвѣтственныхъ чиновниковъ въ братства и въ приходскій совѣтъ. Это одна изъ заслугъ Читальни. Другая есть та, что въ складѣ Читальни за доступную цѣну можно купить книгу, икону, газету, молитвенникъ или календарь. Книгъ въ отчетномъ году Читальня выписала на сумму до ста долларовъ. Особенно удачно Читальня удовлетворяетъ потребность въ календаряхъ: ихъ выписывается изъ Читальни десятки.

Въ отношеніи къ св. Церкви Русск. Чит. въ 1911 г. какъ и въ прежніе, была сыновне почтительна. На приходскій храмъ Читальнею дана посильная жертва отъ доходовъ двухъ спектаклей. Въ м. декабрѣ, ко дню св. ангела патрона Читальни, Архіепископа Варш. Николая, члены Читальни соорудили большую икону Святителя и Чудотворца Николая, съ приличествующею на ней надписью и торжественно, съ пѣніемъ молебна и старокреовой пѣсни: «О кто, кто Николая любить», освятили ее для постановки въ своей комнатѣ.

Члены Читальни съ бодростію выполняютъ свое служеніе русскому народу въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. Высшая для нихъ награда — Божіе благословеніе на дальнѣйшее успѣшное развитіе ихъ дѣла. И знакомъ особенной милости Божіей считаютъ они полученное ими въ 1911 г. вниманіе къ своимъ дѣламъ и нуждамъ Читальни со стороны ея высокаго патрона, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Варш. Николая. Движимые любовью къ

нему, члены Читальни послали Его Высокопреосвященству адресъ признательности (отпечатанный въ № 17 Варшавскаго Епарх. Листка). Владыка щедро поддержалъ Читальню, призвавши на ея нужды 100 дол. Даръ Владыки Архіепископа прибылъ въ Миннеаполисъ какъ разъ ко дню освященія иконы Святителя Николая Читальнею, такъ что торжество усугубилось и была радость у членовъ Читальни необыкновенная.

Такимъ же знакомъ Божія благословенія на ихъ дѣло члены Читальни считаютъ принятіе Его Высокопреосвященствомъ, Владыкою С.-Американскимъ, Архіепископомъ Платономъ, званія Почетнаго Члена Читальни. Въ резолюціи Владыки по сему поводу члены Читальни усмотрѣли прямое указаніе на цѣль своей работы — усиленно содѣйствовать просвѣщенію православныхъ миннеаполисцевъ.

Въ имущественномъ отношеніи Русск. Читальня, благодареніе Господу Богу, не бѣдна. Не смотря на незначительный, всего въ десять центовъ ежемѣсячный взносъ отъ членовъ, Читальня всегда находитъ деньги къ уплатѣ по своимъ заказамъ. Приходъ въ 1911 г. увеличился, сравнительно съ 1910 г., въ полтора раза. Въ библиотекѣ насчитывается до 200 нумеровъ книгъ. Приобрѣтши въ этомъ году еще одинъ объемистый и красивый шкафъ, Читальня обладаетъ въ настоящее время: двумя книжными шкафами, одной большой иконой св. Николая, портретомъ Архіеп. Варш. Николая, портретомъ о. Іоанна Сергіева Кронштадскаго и большой фотографической группой членовъ Читальни. Имущество записывается въ книги: библиотечную и по складу. Въ 1911 г. заведенъ скромный, но изящный значокъ для членовъ: эмальированный синій кружокъ съ бѣлою раскрытою книгою посрединѣ и инициалами Читальни по-англійски въ ободкѣ.

Въ цѣляхъ болѣе планомѣрной работы по различнымъ задачамъ просвѣтительной дѣятельности Читальни, въ концѣ 1911 г. задумано образовать изъ членовъ ея два отдѣленія: театральное, для разучиванія пьесъ къ представленіямъ, и пѣвческое, для составленія постоянного хора при Читальнѣ. Первое отдѣленіе предложено передать въ ближайшее завѣдываніе Іоанна Ст. Рѣшетаря, а второе — въ ближайшее вѣдѣніе Іосифа А. Збиглея, при участіи, въ качествѣ инструктора, члена Читальни, мѣстнаго псаломщика, Петра П. Дзубая. Оба отдѣле-

нія, имѣя свои собранія и своихъ чиновниковъ, находятся подъ контролемъ Главнаго Совѣта Русской Читальни, которому ежемѣсячно дають отчетъ.

Отчетныя цифры за 1911 г. представляются въ такомъ видѣ:

ПРИХОДЪ. — Поступило жертвъ \$101.35, вступныхъ взносовъ 5.25, мѣсячныхъ 40.30, стараго долга 6.70, за иконы 55.35, за календари 22.00, за книги 42.55, за фотографіи 13.00, за значки 22.20, занято 30.00, пришло отъ забавъ и лоттерей 157.67, за посѣщеніе вечерней англ. школы 28.65, остатка отъ 1910 г. 22.04, — всего 547.06.

РАСХОДЪ. — Пожертвовано на церковь \$15.00, за освѣщеніе выплачено 11.00, за доставку книгъ, иконъ, календарей 1.70, на канцелярію выдано 7.90, за календари 16.46, за значки 60.00, за билеты на забавы и лоттерей 4.50, возвращено долга 30.00, за утраченныя вещи 1.50, за новыя вещи 46.50, пожертвовано на англійскую вечернюю школу 1.35, за фотографіи 20.00, англ. учительницѣ 22.00, письменныя принадлежности для школы 2.65, за освѣщеніе ея въ церковь 4.00, — всего 441.30.

ПОДСЧЕТЪ. — Итого въ приходѣ \$547.06, а въ расходѣ 441.30. Остается на 1912 г. 100 долларовъ на сбереженіи и 5.76 расходнаго капитала. Деньги положены въ банкѣ, на книжку № 4444.

Членами Совѣта Миннеаполисской Русской Читальни имени Архіепископа Варшавскаго Николая въ 1911 г. состояли слѣд. лица:

Предсѣдателемъ протоіерей Леонидъ І. Туркевичъ.

Подпредсѣдатель Михаилъ Ив. Тутко.

Казначеемъ Іосифъ А. Збиглей.

Протокольнымъ секретаремъ Симеонъ Гривна.

Финансовымъ секретаремъ Іоаннъ Дм. Лецишинъ.

Контролеромъ имуществъ Василій Дан. Кокошъ.

Въ свое время Русская Читальня усиленно отзывалась на событія русской жизни какъ въ Новомъ, такъ и Старомъ Свѣтѣ. Въ м. мартѣ она сочла своимъ долгомъ почтить талантливаго писателя І. Я. Луцыка съ 25-лѣтіемъ его литературной дѣятельности. Въ м. декабрѣ, по поводу статей противъ Православія въ галиційскомъ «Русскомъ Словѣ» — членами Читальни

составленъ рѣшительный протестъ и порицаніе этого шага русскаго редактора.

Вступая въ 4-й годъ своего существованія, Русская Читальня бодро смотритъ на свое будущее. Члены Читальни попрежнему приглашаютъ всѣхъ проживающихъ въ Миннеаполисѣ русскихъ людей не откладывая надолго вступить въ содружество, радѣющее о православно-русскомъ просвѣщеніи. Въ единеніи—сила. Любителямъ русской рѣчи не объщаютъ они ни великой славы между людьми, ни какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ. Единственное, чѣмъ они надѣются привлечь въ любимую свою Читальню, — это слѣдующее: въ посильномъ участіи любителей въ русскомъ хорѣ, въ даваніи представлений, въ веденіи чтеній для дѣтей и вообще прихожанъ, въ сердечномъ участіи въ бесѣдахъ, забавахъ и играхъ — каждый членъ Читальни получить поводъ и случай къ личному усовершенствованію въ томъ или другомъ отношеніи. Самопросвѣщеніе, разумное развлеченіе и обнаруженіе той неискоренимой взаимной братской любви, на которой зиждется благополучіе народа и правильный ростъ его въ Соед. С.-Американскихъ Штатахъ, — вотъ послѣдняя цѣль Русской Читальни имени Архіепископа Варшавскаго Николая въ Миннеаполисѣ. Къ этой цѣли и зовутъ члены Читальни всѣхъ русскихъ, откуда бы они ни приходили: изъ державной ли Россіи, или изъ подъяремной Галиціи, Угорщины и Буковины.

Minneapolis, Minn., 1625 — 5 St., N. E.

10/23 декабря, 1911 г.

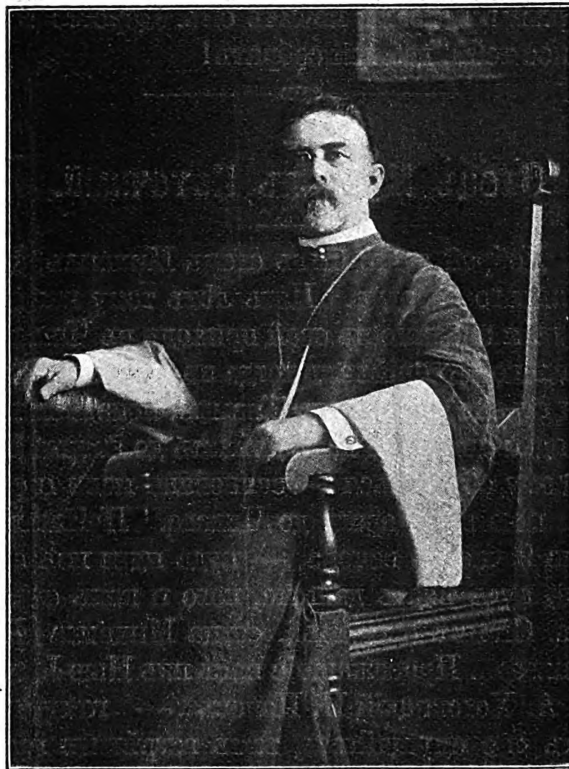
«0»

I.

Еще смерть собрата.

22-го сего Февраля умеръ старѣйшій членъ нашей семьи—почтенный отецъ Михаилъ Поточный. И еще смерть въ нашей средѣ — вторая въ этомъ роковомъ году и пятая за послѣднее трехлѣтіе. Достояннѣйшіе протоіереи—приснопамятный о. Алексѣй Товтъ и о. Рысевъ, честнѣйшіе — о. Владиміръ Кальневъ и іеромонахъ Виссаріонъ, 40-й день кончины котораго только что минулъ, предстоятъ у Престола Вѣчной Правды и молятся за насъ. И вотъ и отецъ Михаилъ перешелъ къ нимъ и сталъ на вѣчную молитву за

свою Миссію. И отецъ Михаилъ сталъ жертвою той же миссіонерской нашей горькой доли: Тяжела жизнь миссіонера въ Америкѣ, тяжела она и по внѣшнимъ своимъ условіямъ и по нравственнымъ причинамъ. Трудно намъ здѣсь, тяжело... Начиная съ Вождя нашего—Владыки Платона, всѣ мы прежде всего нуждаемся здѣсь матеріально, нуждаемся сами лично, страдаемъ нуждою своихъ семействъ, болѣемъ безысходною нуждою своихъ пасомыхъ, своихъ храмовъ. Черезъ эту внѣшнюю нужду сколько переболѣетъ сердцемъ бѣдный миссіонеръ, сколько нравственной муки

переживаетъ онъ, сколько униженія, оскорбленія испытываетъ несчастный онъ. И насмѣшки, и клевета и всякое злое слово переживаемъ здѣсь всѣ мы вмѣстѣ съ своимъ добрымъ и дорогимъ Архипастыремъ, утѣшителемъ нашимъ Владыкою Платономъ. Твердь духъ Его Высокопреосвященства, велика въра его въ Бога и въ святое дѣланіе миссіонерства въ Америкѣ! Бодро смотритъ онъ на всѣ такъ обуревающія и его и всю Миссію его на-

насти, напасти и отъ Америки и отъ Родины... и неуклонно ведетъ всѣхъ насъ по пути расширенія Православія въ Америкѣ, впередъ и вперёдъ... Но слабы мы, — и слабѣйшіе изъ насъ или взявшіе непосильную ношу, какъ тѣ, которые старались идти ближе за своимъ Великимъ Вождемъ, падаютъ подъ бременемъ непосильныхъ условій и умираютъ. Вотъ и отецъ Михаилъ былъ слабъ теломъ и уже подлѣ 60 лѣтъ. Не выдержалъ натиска злобы враговъ нашего святого дѣла. Умеръ. И отъ нужды матеріальной, и отъ душевной тяготы и отъ подвиговъ миссіонерства надломилась его шестидесятилѣтняя сила. Вѣчнымъ покоемъ почилъ онъ. Царство Небесное тебѣ, добрый собратъ!

«о»

II.

Отецъ Михаилъ Поточный.

Доброй души былъ отецъ Михаилъ, отзывчиваго сердца. Пять лѣтъ тому назадъ ѣхалъ я впервые въ свой приходъ въ Чикаго. Я только что пріѣхалъ тогда въ Америку. Чужая страна, непонятный языкъ, неизвѣстные порядки, незнаніе какъ доѣхать до квартиры, къ кому обратиться — волновали меня и семью мою всю дорогу до Чикаго. Пріѣхали, было 9 часовъ вечера, — куда идти изъ вагона, куда ѣхать дальше, кого и какъ спросить. Стоимъ и ждемъ... «отца Михаила Поточнаго»... Провожавшіе насъ изъ Нью Йорка о.о. А. Хотовицкій П. Поповъ — говорили намъ «не смущайтесь, тамъ встрѣтитъ васъ отецъ Михаилъ — добрейшій человекъ». Гдѣ-же онъ, каковъ онъ, какъ его узнать... «Отче, отче», — слышу вдругъ я изъ среды группы идущей къ намъ. Выдѣляется маленькаго роста почтенный американскій батюшка, бросается ко мнѣ, къ моей семьѣ, обнимаетъ меня, цѣлуетъ, представляетъ цѣлую компанію, — это были кураторы и псаломщикъ, — говоритъ о наймѣ лошадей, суетится, заботится и ведетъ насъ къ выходу. Садимся вмѣстѣ, и всю дорогу отецъ Михаилъ

говорить намъ о Чикаго, спрашиваетъ про Нью Йоркъ, про старый край. Сколько заботъ проявилъ онъ: устраивалъ насъ, вводилъ меня въ приходъ, знакомилъ съ порядками, условіями церковными, приходскими. Всѣ три мѣсяца, которые пришлось мнѣ прожить въ Чикаго, отецъ Михаилъ руководилъ мною, помогалъ мнѣ, помогалъ семьѣ. Всегда онъ былъ предупредителенъ, ласковъ и внимателенъ. Какъ все это дорого на чужбинѣ и особенно такой, какъ Америка, знаетъ каждый изъ собратьевъ, пережившій все это!

Царство Небесное, вѣчная, благодарная память тебѣ, добрый отецъ Михаилъ! Молись и ты съ преждеотшедшими нашими миссіонерами у Престола Божія за Миссію Американскую, за Вождя нашего Владыку Платона, за всѣхъ насъ, проси намъ помощи у Господа и благословенія великимъ подвигамъ Вождя нашего и намъ. Вѣчный тебѣ покой!

Ив. Ив. Слюнинъ.

«о»

Борцы за вѣру въ Австрійской Галичинѣ.

II.

Запросъ д-ра Маркова, поданный министру графу Штюреку о притѣсненіяхъ Галичанъ, можетъ пролежать въ портфель министра очень долгое время; жизнь-же не ждетъ и идетъ своимъ порядкомъ.

Наступило Рождество Христово. Во всемъ христіанскомъ мірѣ, въ храмахъ и домахъ, всюду звучала ангельская пѣснь, возвѣщающая явленіе въ мірѣ Богомладенца: «Слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человекѣхъ благоволеніе».

И Залучане ждали праздниковъ Рождества Христова и Крещенія съ большимъ нетерпѣніемъ и мерцающей въ средахъ надеждой, что враги ихъ, можетъ быть, въ эти святые дни не станутъ препятствовать ихъ пастырю о. Игнатію Гудунѣ (вернѣе Гудимѣ) и имъ молиться по православному.

Залучане съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ожидали этихъ праздниковъ, что къ наступленію ихъ долженъ былъ воротиться ихъ душпастыръ изъ снятинскаго арестнаго дома, куда онъ былъ заключенъ административнымъ порядкомъ на 14 дней снятинской полиціей.

Но ожиданія ихъ не оправдались. Враги ихъ наступающими Святками не только не смягчились въ своихъ сердцахъ, но напротивъ, озлобились. Четырнадцатую днями заключенія о. Игнатія они не удовлетворились. Какъ только окончился срокъ четырнадцатидневнаго заключенія его, они осудили его снова на такой-же срокъ, очевидно съ явной цѣлью, чтобы лишить его и его вѣрниковъ возможности встрѣтить и провести праздники по христіански. Протесты противъ такого неправаго и незаконнаго поступка, заявленные осужденнымъ, ни къ чему не повели. Залучане остались безъ божественныхъ службъ. Дни праздниковъ для нихъ были днями горести и печали.

Правда, многіе Залучане въ праздничные дни ходили въ православную церковь въ Васьковцахъ, въ Буковинѣ, но и туда польскія власти не велятъ имъ ходить и всячески притѣсняють.

Свой-же ихъ молитвенный домъ въ Залучѣ стоитъ запечатаннымъ со всею церковною утварью. Предсѣдатель снятинскаго суда разъ отпуская о. Игнатія въ Залучье, но взявъ подписку, что онъ не будетъ совершать въ Залучѣ требъ и церковныхъ службъ.

Строгими мѣрами преслѣдованія православныхъ священниковъ и ихъ вѣрниковъ паписты думаютъ запугать и остановить и остановить распространеніе православія. Но они ошибаются. Галицкій народъ уже духовно проснулся и прозрѣлъ, что цѣлыми вѣками его обманывали и вели по ложному пути. Но народъ во все время существованія у него униі считалъ себя православнымъ и такимъ уже хочетъ быть на дѣлѣ.

Не даромъ украинское «Діло» насчитываетъ болѣе 200 селеній, которыя готовы принять православіе.

Дѣйствительно, нѣкоторыя селенія уже и приняла.

На противоположныхъ концахъ отъ Залучья Галиціи въ Теляжѣ, Сокольскаго уѣзда, и въ Грабѣ, близъ Ясла, появились православные приходы и священники: въ с. Теляжѣ о. Иванъ Илечко, въ Грабѣ о. Максимъ Сандовичъ, можетъ быть имѣются православные священники гдѣ нибудь и въ другихъ приходахъ.

Но мы узнали только объ этихъ двухъ душпастыряхъ потому, что и на нихъ, какъ на о. Игнатія польская администрація подняла гоненія. У насъ есть основанія утверждать, что кромѣ с. Залучья, Теляжа и Граба, много другихъ селеній готовятся къ переходу въ православіе и что кромѣ о.о. Игнатія, Иоанна и Максима готовятся вступить на ихъ путь много другихъ ревностныхъ пастырей.

Кто-же, и откуда они? — спросятъ. — На этотъ вопросъ пока можно отвѣтить уклончиво. Можно только пока отмѣтить, что выстулленіемъ ихъ мы обязаны іезуитской политикѣ униатскихъ епископовъ во главѣ съ митрополитомъ графомъ Андреемъ Шептицкимъ.

Читали-ли вы телеграмму о забастовкѣ учениковъ Львовской униатской семинаріи? Изъ 216 человекъ этихъ учениковъ одиннадцать не хотѣли называться «украинцами», а называли себя русскими и держались убѣжденій той широко распространенной въ народѣ держовно-политической партіи, которая именуясь твердо-русской, вѣритъ въ единство св. Руси, считаетъ русскій языкъ единственно литературнымъ и научнымъ, не вѣритъ въ «самостійну україну» безъ пана и попа, и т. д.

Противъ этихъ 11 учениковъ и вооружилась вся остальная масса семинаристовъ, руководимая опытной іезуитской рукой, и заявила ректору, что они объявляютъ голодную забастовку до тѣхъ поръ, пока изъ семинаріи не

будутъ уволены «тайные агенты православія и цареславія», что имъ не позволяетъ ихъ «католическая честь» оставаться подъ одной крышей съ «измѣнниками вѣры и народа».

Услужливое начальство тотчасъ-же въ угоду забастовщикамъ, выселило 11 русскихъ семинаристовъ на городскія квартиры.

Такъ метитъ русскимъ митрополитъ за то движеніе къ православію, которое особенно ярко обнаружилось въ предрождественскіе дни въ родныхъ мѣстахъ Галиціи.

Незадолго предъ этимъ инцидентомъ въ семинаріи гр. А. Шептицкій, присутствуя на собраніи клириковъ, въ которомъ обсуждались мѣры борьбы съ наступающей «шизмой», въ крайнемъ раздраженіи произнесъ: *«Это православіе—я знаю, намъ не удастся отъ него жимойти. Но это начало не вовремя. Такъ лѣтъ черезъ десять было бы съ нимъ начинать. Я знаю, что въ Житомирѣ воспитывается что-то 50 будущихъ православныхъ священниковъ. Пускай бы все разомъ начинали. Но зачѣмъ было присылать этихъ трехъ священниковъ!»*

У страха глаза велики, — говоритъ половица. Въ Волынской семинаріи дѣйствительно учатся: Дневскій, изъ Жегестова; Цымбаль и Сенечко, изъ Тернопольскаго уѣзда; Борецкій, изъ Поповець; Ничай, изъ Чехъ; Дудысь, изъ Боратина; Кушпета, изъ Бродовъ, и Ольховскій, изъ Высоцка. Но дѣло — не въ нихъ. Что ихъ привлекло въ Державную Русь?

Если бы украинско-іезуитская политика въ Галиціи не гнала все русско-православное и въ своихъ гоненіяхъ не обнаруживала крайняго фанатизма, то, можетъ быть, выстушеніе православія отодвинулось бы, какъ хочеть того гр. Шептицкій, лѣтъ на десять позднѣе.

Отецъ Игнатій вышелъ изъ рядовъ семинаристовъ, не получившихъ себѣ мѣста у епископовъ галиційскихъ за свои русскія убѣжденія. Нечему поэтому удивляться, если и 11 семинаристовъ львовской семинаріи, го-

нимыхъ украинцами-іезуитами, со временемъ перейдутъ въ православіе.

Но возвратимся къ Тележу и Грабу. Въ Тележѣ подъ самое Рождество Христово разыгралась такая картина—сцена. Изъ Сокаля явились семь жандармовъ и подъ барабанный бой объявили жителямъ, что имъ строго на строго запрещается ходить молиться въ часовню, въ которой служитъ православный священникъ Иванъ Илечко. Кто пойдетъ, — будетъ оштрафованъ. Не смотря на такой строгій наказъ, когда о. Иванъ въ 4 часа утра подъ Рождество началъ въ часовнѣ Божеств. службу, со всѣхъ сторонъ селенія повалили православные къ часовнѣ, и не смотря на то, что часовня была окружена жандармами, многіе протискались въ самую часовню. Тогда явился новый нарядъ жандармовъ во главѣ съ офицеромъ. Молящихся изъ часовни вытаскали силой, оставивъ въ ней только одного священника, его отца и одного пѣвчаго. Людей-же, собравшихся въ множествѣ вокругъ часовни, жандармы старались отгнать отъ часовни и разогнать. Причемъ пускали въ ходъ не только приклады рушей, но и штыки. Сильно пострадали: Олена Чорнѣй, Горпина Ворона, Евфимія Якимчукъ и др. Я. Щербу тяжело ранили въ голову.

Народъ все-же не уступилъ жандармамъ. Всю службу простоялъ вокругъ церкви, прислушиваясь къ пѣнію, которое, хотя двери храма жандармами были закрыты, отъ времени до времени доносилось къ народу. Предъ окончаніемъ литургіи многіе хотѣли приступить къ св. Чашѣ, такъ какъ наканунѣ исповѣдывались. Но жандармы никого не пустили.

Нужно-ли говорить, какъ горько, какъ больно было народу переносить и въ такой святой день притѣсненія и оскорбленія, причиняемая папистами религиозному чувству православныхъ людей!

По окончаніи службы церковь чиновниками изъ Сокаля была запечатана, а о. Иванъ арестованъ.

Многіе изъ православныхъ присутствовавшихъ на Божественной службѣ были переписаны и переданы потомъ суду.

Тоже самое было и въ с. Грабъ, близъ Ясла. Здѣсь жандармами командовалъ ксендзъ Киселевскій. Еще 22 дек. утромъ, въ домъ, гдѣ служилъ о. Максимъ, явился комиссаръ съ тремя жандармами и опечатавъ домъ. Но о. Максимъ, чтобы не оставить вѣрниковъ въ Рождество Христово безъ Божіей службы, нанялъ другой домъ и здѣсь совершилъ богослуженіе. Но былъ такъ-же, какъ о. Игнатій и о. Иванъ, арестованъ и приговоренъ къ тюрьмѣ. Такъ-же, какъ и въ Теляжѣ, участниковъ въ службахъ переписали и погнали въ суду.

Дѣло ставится такъ, что будто-бы движеніе въ православіе есть прежде всего движеніе политическое. Будто бы всюду по всей Галиціи шныряютъ царскіе агенты, которые и увлекаютъ народъ въ православіе. И сами священники — тоже русскіе агенты. — Поэтому чиновники и жандармерія всѣхъ допрашиваютъ кто подговариваетъ народъ идти въ православіе. Для допроса вызываютъ мужчинъ и меншинъ въ Сокаль и Ясла. Даже дѣтей требуютъ къ допросу. По грязи и въ холодъ идутъ люди почти за 50 километровъ до города; голодаютъ и страдаютъ, а особенно женщины съ грудными ребятами. Кто не является въ судъ, штрафуютъ. Многіе изъ участниковъ въ богослуженіяхъ тоже општрафованы, иные въ 20 коронъ.

Тасканіемъ по судамъ и штрафами хотятъ запугать православныхъ.

Жандармы привязываются ко всякому поводу, чтобы только досадить православнымъ. По доносу ксендза Киселевскаго одинъ молитвенный домъ былъ закрытъ, только потому, что въ немъ зажигались восковыя свѣчи, якобы опасныя въ пожарномъ отношеніи. Составили актъ. Вызвали 78 человекъ православныхъ въ судъ въ Змійгородъ. Судъ не состоялся за отсутствіемъ свидѣтелей. Ксендзъ взялся доставить свидѣтелей.

Въ Теляжѣ нашли иной поводъ къ штрафамъ. Тамъ штрафуютъ за свиныя «кольчики». Существуетъ мѣстный законъ, по которому всякая свинья снабжается кольчикомъ. Если же кто-нибудь этого не дѣлаетъ, подлежитъ штрафу. На этой почвѣ разыгрываются такія исторіи. У православнаго крестьянина Алексѣя Чорнѣя свинья потеряла кольчикъ. Чорнѣй бѣжитъ къ свинскому надзирателю и проситъ наложить на его свинью новое кольчико и зарегистрировать. Свинскій надзиратель заявляетъ, что у него кольчиковъ нѣтъ. Чорнѣй отправляется въ Сокаль, чтобы тамъ обратиться въ староство. Тамъ тоже отвѣчаютъ, что кольчики вышли, но скоро будутъ присланы съ фабрики. Пока кольчики пришли, къ Чернѣю явился жандармъ, составилъ актъ и општрафовалъ на 20 коронъ (8 рублей), а свинья и половины штрафа не стоитъ.

Тоже самое дѣлается вездѣ, гдѣ только оказывается движеніе въ православіе. Въ с. Долгомъ, въ Лемковщинѣ, въ западной Галичинѣ, происходитъ то-же, что въ Теляжѣ. Жандармы дѣлаютъ обыски, штрафуютъ безъ конца. Въ д. Липной съ обысками случился курьезъ. Крестьянинъ Пелешъ нѣсколько лѣтъ выписывалъ журналъ «Родина» съ приложениями. Между приложениями оказались «выкройки». Жандармъ арестовалъ эти «выкройки», принявъ ихъ за мобилизаціонный планъ.....

Дальше въ преслѣдованіяхъ за вѣру идти уже некуда.

Никогда, нигдѣ, даже язычники, не преслѣдовали такъ христіанъ, какъ поляки преслѣдуютъ русскихъ людей за возвращеніе ихъ къ прадедовской вѣрѣ въ Галиціи.

Что-же за причина такихъ безумныхъ и противозаконныхъ преслѣдованій?

Есть-ли это религиозный фанатизмъ, или національная нетерпимость?!

Какъ все это понимать?

На этотъ вопросъ постараемся отвѣтить въ слѣдующей статьѣ.

Е. А....іі.

На Морѣ.

Красоты моря.

Если бы надо было по порядку, изо дня въ день, описывать, что видѣли мы, слышали и узнали на борту парохода «Бирма» въ переѣздъ изъ Нью Йорка въ Роттердамъ, — это была бы длиннѣйшая эпопея. Вѣдь все вокругъ насъ было такъ ново, своеобразно и любопытно! Только садись, и описывай. Поэтому я нисколько не удивлялся, видя нашу молодую, но сѣдоловую попутчицу, неизмѣнно бравшую къ полудню и вечеру свою записную книжку и быстро, быстро чертившую въ ней что-то, относящееся очевидно къ путешествію. Пользуясь установившейся спокойной погодой, и я забрался въ пустовавшую (временами) дамскую гостиную и съ легкостью успѣлъ написать нѣсколько писемъ. Писалъ на пишущей машинкѣ, почему выходило отчетливо. А писать-то было о чемъ.

Погода, какъ сказано, установилась. Небо, синее-синее, было въ бѣлыхъ барашкахъ облаковъ. Эти двѣ краски неба, синее съ бѣлымъ, настраивали насъ весьма благодушно: нѣтъ нигдѣ опасности, если такъ мирны выси надъ нами... Мягкая теплота охватывала насъ. Океанъ былъ тихъ, смиренъ, почти безъ волнъ. Синева неба отражалась въ зеленоватыхъ водахъ, а бѣлые мазки облаковъ придавали пестроту всему пространству на поверхности океана. Точно шерстка кудрявой болонки (да простятъ мнѣ читатели это сравненіе)... Ничего поражающаго, устрашающаго или даже волнующаго! Точно смотрите на красивую, написанную сочными, яркими красками картину... Расположившись въ стулѣ-лежанкѣ и глядя вдаль черезъ бортовую перила, какъ бы забывалось о себѣ, а думалось только: какъ красиво это мягкою зубью уходящее къ горизонту, сине-зеленое, съ бѣлыми по нему мазками, море! Солнце стояло высоко, но какъ-то не оно, казалось, придавало всей картинѣ ея сочный характеръ, а именно эти бѣлые барашки стаей расположившіеся въ высотахъ облаковъ.

— «Какъ красиво море сегодня!» — замѣтила мнѣ матушка... Я попробовалъ описывать въ письмахъ эти красоты, но онѣ не поддавались моимъ усиліямъ выразить ихъ ярко для передачи настроенія друзьямъ. Тутъ я вспомнилъ читанный еще въ отрочествѣ «Фрегатъ Паллада» И. Гончарова. Съ какою изумитель-

ною чуткостію переданы въ немъ талантливимъ авторомъ виды южнаго неба, съ его пылающимъ жаромъ сводомъ, съ его громоздящимися и потомъ растворяющимися облаками, и виды синяго моря, съ его лоснящеюся, точно шерстью дикаго звѣря, сверкающею и подвижною поверхностью!.. Вспомнилъ, и нашель, что для описыванія дивныхъ красотъ природы нуженъ громадный талантъ. Ибо мы видѣли передъ собою только пестрое, отъ облачныхъ барашковъ, синее и глубокое небо да пестрое же, отъ отраженія облаковъ въ водѣ, сине-зеленое блестящее море...

— «Папа! что ты такъ пристально смотришь въ небо?» спрашиваетъ меня мой старшій малецъ. «Что-нибудь видно тамъ? Покажи мнѣ». И онъ, полулежа на моемъ колѣнѣ, и самъ вперяетъ взоръ въ высь...

— «Чего смотрю?» переспрашиваю я. «Да вотъ наблюдаю облака въ небѣ, смотрю, какое небо высокое да далекое. И конца нѣтъ!.. А облачка — точно ихъ кто нарочно округлялъ: такія они законченныя, аккуратныя, милыя. И все, чѣмъ дальше отъ насъ къ горизонту, все мельче и мельче»...

— «Да!.. красивы!.. все мельче... высокое... аккуратныя...» повторяетъ въ раздумьи и уже въ беспорядкѣ сказанное мною мой мальчуганъ. И впослѣдствіи, не только во время пути на пароходѣ, но и на сушѣ уже, стоило намъ остаться вдвоемъ подъ открытымъ небомъ, онъ все считалъ непремѣннымъ долгомъ своимъ обратить мое вниманіе на небеса: «папа! а красиво ли сейчасъ небо? глубокое ли оно?.. а облака все мельче ли?»...

Говорятъ: благодатное, жаркое небо юга не благопріятствуетъ южанамъ развивать свою энергію, подвижность, предприимчивость... До нѣкоторой степени мы это извѣдали на самихъ себѣ въ проѣздѣ на пароходѣ. Ничего не хочется дѣлать. Только бы лежалъ да глядѣлъ безъ усталости на волны, на небо. Особенно привлекало море своею неподвижностію въ подвижности. Сразу не замѣчаетъ глазъ отдѣльныхъ всплесковъ воды, и вся поверхность океана кажется чѣмъ-то сплошнымъ и неподвижнымъ. Но съ теченіемъ времени глазъ начинаетъ различать поднимающіеся и опускающіеся бугорки. Присматриваясь, глазъ ихъ видитъ и близко отъ парохода и дальше, и уже нарочито ихъ ищетъ въ уходящей къ горизонту дали... Но устаетъ въ этомъ различеніи, и опять вся поверхность волнующагося моря кажется сплош-

ною и неподвижною... Въ этомъ и упоеніе, и интересъ и скука созерцанія моря.

Неудивительно поэтому, что когда раздавался шумный, веселый крикъ пассажировъ третьяго класса, то и мы «первоклассники», срывались съ своихъ лежанокъ и опрометью кидались на ту сторону парохода, откуда неслись зычные крики, привѣтствовавшіе, конечно, нѣчто необычайное и занимательное.

И, дѣйствительно, бывало что посмотрѣть! Привлекаемая, вѣроятно, пищевыми отбросами парохода, цѣлыя стада дельфиновъ, ничуть не пугаясь машины, пересѣкали иной разъ нашъ путь. Уже издали замѣтно было ихъ приближеніе по бѣлымъ бугоркамъ пѣны, внезапно возникавшимъ на глади океана. Появляясь, эти бугорки исчезали и потомъ опять возникали, чтобы снова безслѣдно растаять. Но такъ какъ дельфиново стадо порою было въ сотни головъ, то иногда море сразу начинало отъ нихъ пѣниться и бурлить. Измѣнившійся видъ моря привлекалъ вниманіе зрителей, и тутъ-то и открывали дельфиновъ.

Пароходъ въ движеніи впередъ давалъ по себѣ направо и налево волны, расходившіяся касательными линіями далеко, далеко отъ бортовъ позади парохода. И вотъ въ этой-то полосѣ возвышавшейся воды и было всего любопытнѣе наблюдать дельфиновъ. Уже издали видно было, какъ они выпрыгивали изъ воды, иной разъ высовывая на поверхность всю голову. Иногда же они совершенно выбрасывались изъ воды. Вотъ тутъ-то восторгъ наблюдателей достигалъ апогея! Съ бортовъ, облѣпленныхъ людьми точно мошкаркою, раздавались дружные клики. А дельфинъ, глянувъ пристально и удивленно глазкомъ своимъ въ бокъ, быстро нырялъ въ прозрачную свою стихію, разсыпая по себѣ бѣлую пыль, и мчался, мчался, точно бѣговая лошадь, тутъ же подлѣ, вполнѣ видимый сквозь воду, пока не исчезалъ подъ кузовомъ корабля въ глубинахъ... Эти появленія и исчезанія дельфиновъ вносили много оживленія въ публику. Смѣху, обсужденій, забавныхъ сравненій этихъ дельфиновъ съ собаками или кошками, бывало безъ конца.

При этихъ случаяхъ удавалось, какъ бы даже невольно, обращать вниманіе на самое море. Оказывается, оно далеко не одноцвѣтно. Синее вообще, оно въ мѣстахъ близкихъ къ зрителю было блѣдно-зеленоватаго цвѣта, весь-

ма прозрачное. Давало впечатлѣніе упругаго дорогого мрамора. Тревожимое плывущимъ пароходомъ, оно все разбивалось въ бѣлую, ослѣпительную по чистотѣ, какъ бы снѣжную пѣну. Пѣна, взбиваясь и громоздясь по гребню расходящейся волны, ниспадала на поверхность какъ бы вогнувшагося моря прихотливѣйшей бахромой, отгѣняемая отъ самой волны свѣтлой нѣжной зеленью... На эту пѣну, какъ она появлялась внезапно, давая какъ бы вкусъ самой соленой соли, и затѣмъ быстро и безслѣдно исчезала, на эту пѣну можно было смотрѣть, безъ преувеличенія говоря, часами, до забвенія, до тошноты, до болѣзни... И очень многіе изъ пассажировъ, можно сказать, только то и дѣлали, что глазѣли на эту пѣну.

Подъ солнцемъ море сверкало блестками. Точно расплавленное серебро. Глубины тамъ уже нельзя было видѣть. Напротивъ: подъ снопами падающаго съ высоты солнечнаго свѣта ясно означалась поверхность волнующагося моря. Блестки слѣпили глаза. Въ томъ направленіи трудно было и смотрѣть. Но тѣмъ отмѣннѣе была округленность моря, его шаровидность. Не то, что съ другой стороны неподсолнечной, гдѣ глазъ никакъ не могъ опредѣлить для себя ощутительно: гдѣ проходитъ линія, отдѣляющая синее небо отъ такого же синяго моря.

Видъ моря смѣнялся къ ночи. На сушѣ наступленіе вечера отмѣчаетъ умноженіе тѣней. На морѣ приближеніе ночи замѣтно по гущенію красокъ вездѣ: въ высяхъ неба больше синевы, въ облакахъ меньше бѣлизны, на морѣ — гуще синева и темнѣе глубь, на горизонтѣ восточномъ больше мглы. Одинъ закатъ горитъ. Но и здѣсь краски все больше темныя: пунцовая, лиловая, малиновая, сиреневая, желтая цвѣта мѣди... Только, какъ бы для отгѣненія другихъ, иной разъ проступитъ полоса какъ будго расплавленнаго серебра, чистая — пречистая... И больно глазу смотрѣть на нее! И тутъ-то со всею рельефностью проступаетъ необъятность могучаго океана, — этого старика-великана, лишь только не желающаго показать во всю ширь своей затаенной энергіи. Куда ни глянь, — всюду точно раздвинулись рамки картины: во всѣ стороны неопредѣлимо далеко. Отъ пройденнаго пути ничего не осталось, кромѣ воды, воды и воды — до неуловимаго, но уже мрачно нависающаго надъ океаномъ горизонта. И впереди — ничего иного, какъ та же

вода и вода, — какъ кажется, безъ конца, безъ мѣры, никогда не проходима, не одолѣваемая..

Луны въ нашъ переходъ не было: нарожда-лась новая. И ночь вступала въ обладаніе міромъ безъ соперника—свѣтила. Темнымъ покровомъ точно хотѣла она поглотить всѣ краски, отбѣжи, — одно, что лишь и было на пустынной окраинѣ океана. Жалобнымъ глазкомъ блистала прощальная полоса быстро темнѣвшей вечерней зари. Едва-едва мерца, проступали въ небесахъ звѣздочки. Тучки накоплялись. Жуть невольнѣ вползала въ сердце... «Ахъ! не возвратитъ утеряннаго, не поправитъ прожитого!.. Волей-неволей, а продолжай свой путь, ввѣряясь тѣмъ, кого доселѣ не зналъ, не вѣдалъ, и кто нынѣ твой первый стражъ, защитникъ и надежда... О, Господи помилуй!..»

— «А отчего, папа, тамъ еще свѣтитъ, а тамъ уже темно?» вопрошаетъ меня малышъ.

— «Оттого, мой милый, — отвѣчаетъ ему вмѣсто папы мама, — что солнышко закатилось туда, откуда мы ѣдемъ; оно въ Америкѣ теперь свѣтитъ. А мы ѣдемъ въ Россію, къ тетѣ Лизѣ: тамъ уже теперь ночь».

— «Закатилось... въ Америкѣ... въ Россію... ночь», повторяетъ мальчикъ въ раздумьи, не переставая смотрѣть на умирающую на западѣ полосу свѣта. Ему, видимо, хочется уже на отдыхъ.

— «Мама! спать хочу... спать!» заявляетъ меньшей.

Бабушка, мама, няня забираютъ дѣтей въ каюты. Пассажиры еще стоятъ у перилъ по двѣ, по три фигуры. Окна гостиныхъ освѣщены. Мы съ о. Іосифомъ и философствующимъ докторомъ еще остаемся между спасательными лодками на палубѣ. Не хочется пока спать. Докторъ выясняетъ, насколько еще мало люди знаютъ міръ, въ которомъ живутъ. «Большая часть земли — изъ воды. А что въ этихъ бездонныхъ пучинахъ дѣется, на примѣръ, сейчасъ? Кто знаетъ? Да и какъ узнать?!.. Нѣтъ, что ни говорите о прогрессѣ, о человѣческомъ разумѣ, о знаніи естественной исторіи, — все это капля въ сравненіи съ тѣмъ, что еще не узнано, не испытано, о чемъ еще даже и не снится нашимъ мудрецамъ»...

Небо прочистилось отъ тучъ. Проступили кучки звѣздъ. Млечный путь навелъ на сравненіе купола неба съ опрокинутой чашей изъ пущычатого стекла. Синевя неба мягче, крооче.

Но оно все такъ же необъятно, высоко и глубоко. Внизу же, подъ корпусомъ парохода, такъ же непрозрачная, глубокая и темная, какъ бы зловѣще неразгаданная пучина. Бѣдно слово для описанія обоихъ. Вѣчность должна быть дана для постиженія ихъ. Отвоеванное умомъ чело-вѣка — это наша посуда среди этихъ безжизненныхъ и непонятныхъ и необъятныхъ степеней, между двухъ безднъ: небесной и морской.

Прот. Л. Туркевичъ.

Открыта подписка

на еженедѣльную газету для русскихъ въ Америкѣ

РУССКІЙ ЭМИГРАНТЪ

Выходитъ по Четвергамъ.

Подписная плата въ Америкѣ:

на годъ 1 д. 20 ц., на полгода 60 ц.:

Въ Россію:

на годъ 4 рубля, на полгода 2 рубля.

Адресъ:

P. O. Station Y, Box 3,

New York City.

Продолжается подписка

— на —

Американскій Православный ВѢСТНИКЪ

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Годовая цѣна 3 дол. (6 руб.)

Отдѣльные номера по 15 центовъ.

Адресъ:

Russian Orthodox American Messenger

15 E. 97 ST.,

NEW YORK, N. Y.

Редакторъ,

Каедральный Прот. А. Хотовицкій.